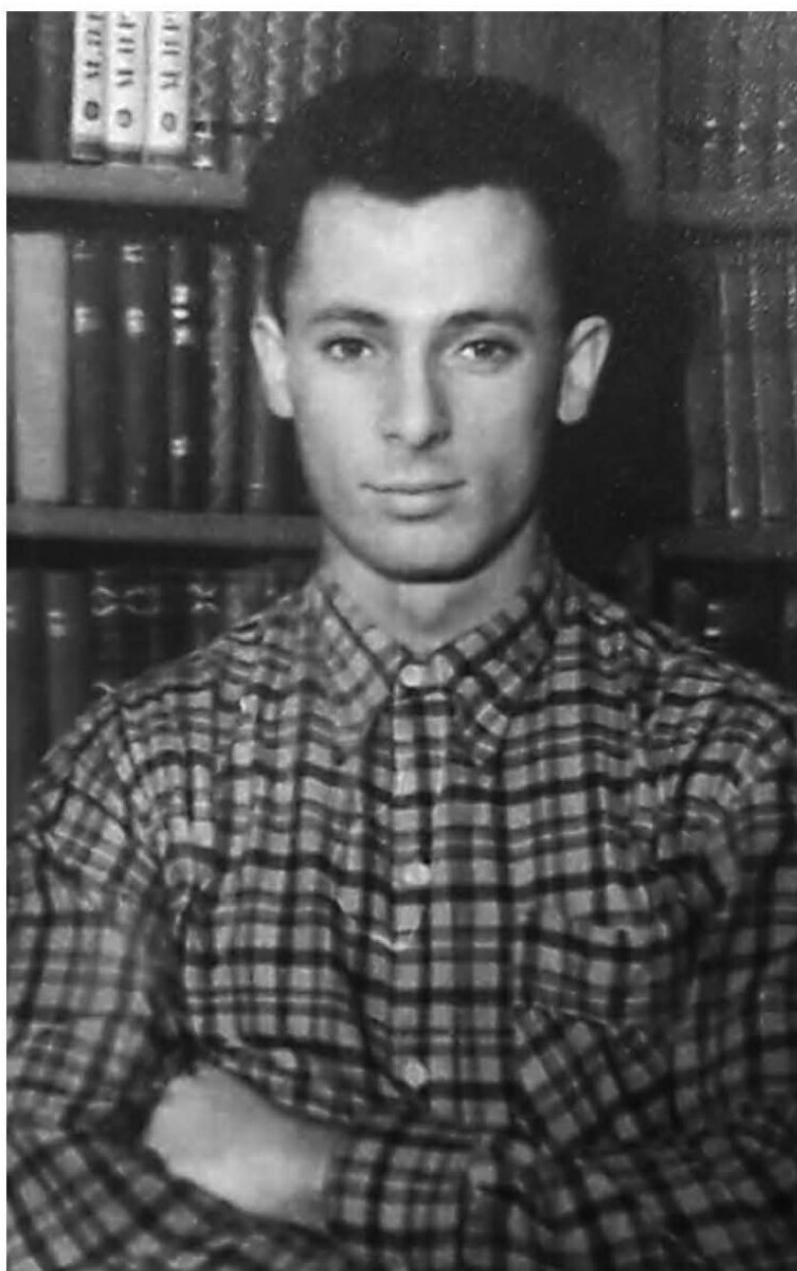

Л. Б. Залесский

ПУТЬ ЖИЗНИ

УМКА-Пресс
Москва
2020

Лев Залесский

Путь жизни

«Пробел-2000»

2020

УДК 821.161.1 Залесский
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Залесский Л. Б.

Путь жизни / Л. Б. Залесский — «Пробел-2000», 2020

ISBN 978-5-98604-762-1

Лев Борисович Залесский родился в Москве. Детство пришлось на годы войны. Эвакуация, скитания по глубинке Горьковской области, затем Дальний Восток, Кировская область. С началом учёбы в институте (Горьковском политехническом), живёт в Горьком – Нижнем Новгороде. По окончании института работал по распределению на заводе, затем 31 год в научно-исследовательском институте. Учиться не прекращал: ГГУ им. Н.И. Лобачевского, Институт иностранных языков, факультеты философии и журналистики УМЛ, факультеты и курсы повышения квалификации и т. п. Публиковался в журналах и периодической печати. В постперестроечное время нашёл себя в высшей школе на административных и преподавательских должностях. Кандидат экономических наук, доцент. Автор более 100 печатных работ научного, технического, методического характера, в том числе учебника. Женат, есть сын. Любитель природы и путешествий, побывал в 32-х странах. Книга иллюстрирована фотографиями из семейного архива автора. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 821.161.1 Залесский
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-98604-762-1

© Залесский Л. Б., 2020
© Пробел-2000, 2020

Содержание

От автора	6
Часть I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Лев Борисович Залесский

Путь жизни

*Родным и близким
посвящается*

© «Пробел-2000», 2020

© Залесский Л.Б., 2020

От автора

Здесь автор хотел бы объяснить историю появления этих записей, а также признаться, что в его взрослой жизни есть две главные составляющие: добровольные периодические перемещения за пределы своего места обитания и потребность мемуарно-дневниково-эпистолярно зафиксировать наиболее интересные факты и события.

Внимательный читатель уже задался вопросом: а разве работа к главным сторонам жизни не относится? Во-первых, работа – неизбежное, многовариантное, как правило, будничное занятие. Здесь же, в этих записках, автор говорит о том, что дополняет и расцвечивает эти будни. Во-вторых, с работой автору повезло: в двух сферах (так уж сложилось в связи с историческим переломом в стране) она ему нравилась и, по некоторым внешним признакам, удавалась. Впрочем, в нижеследующей биографической части она хочешь не хочешь прописана красной нитью.

Кроме биографической, читателю предлагается часть туристская – как компонента биографической, так и отдельно, в виде нескольких очерков, входящих в созданные автором в последние годы книжки под названием «С блокнотом по континентам».

А теперь о происхождении этих записей. Как-то во время одной из нечастых встреч с моей племянницей Аней, человеком выдающихся и разносторонних способностей, мы в два голоса, но в унисон «запели», что с уходом (в мир иной) родителей теряется связь с родственниками и информацией о них и о своём прошлом. Итогом этого нытья стало твёрдое решение тотчас начать, помогая друг другу, по памяти и сохранившимся артефактам восстанавливать свою историю.

Писать автору приходилось на протяжении всей взрослой жизни. Сначала это были заметки в газетах и журналах о походах по родному краю. Позже – отчёты о НИР, ОКР и т. п. деловые документы. На следующем жизненном этапе – учебно-методические материалы, учебные пособия и учебники.

Один из недостатков в характере автора – постоянное стремление побывать там, где ещё не был, а лучше – там, где были немногие. Если подумать о причинах, можно констатировать, что некоторые из них – объективные, другие – скорее печальные, третьи связаны с любопытством и жадой новых впечатлений, четвёртые вообще трудно объяснимы, нелогичны.

Начнём с моего происхождения. Один из родителей родился на Урале, воевал в Западной Европе, учился в Бельгии; другой (точнее, другая), родилась в Западной Белоруссии, училась в Минске, жила и работала в Горьком, затем в Москве, а с 1941 года где только не жила (вместе со мной).

Поскольку моё раннее детство пришлось на годы Великой Отечественной войны, в моём конкретном случае Война означает не только распад семьи, голод и лишения, но и географические мытарства в поисках терпимого пристанища. До моего поступления в институт в Горьком мы сменили более десятка пунктов проживания в пространстве от Москвы до Дальнего Востока, а я учился в семи школах, при этом в одиночку преодолевал по пути в школу многие километры разной трудности и в разную погоду.

На стадиях детство – отрочество – юность эти странствия были следствием суровой необходимости, хотя иногда содержали элементы добровольности, любопытства и риска. В более поздний период и по сей день походы, поездки, плавания и полёты чаще инициативные, хотя и не всем понятные.

Хочется подвести некоторые итоги.

В советское время побывал в 14 республиках Союза, 58 областях (краях, округах, АО) России. Самая западная точка – остров Вильсанди в Балтийском море, самая восточная – Хаба-

ровский край, самая северная – Североморск на Кольском полуострове, самая южная – Ашхабад. Ногами поднялся на Тянь-Шане на пик 5219 м; в 78 лет на ратраке – на 4200 на Эльбрусе.

В постсоветское время посетил 32 страны всех континентов (кроме Антарктиды). Но походов с рюкзаком не прекращал: в 59 лет прошёл в группе, возглавляемой сыном, 200-километровый маршрут по Приэльбрусью. А 20 км с собакой по лесам – до самого последнего времени. В совокупности это не одна сотня тысяч километров.

В активе виды транспорта: санки, самокат, лыжи, велосипед, мотоцикл, автомобиль грузовой, автомобиль легковой (300 тыс. км за рулём), трактор, танк средний, танк плавающий, поезд, самолёт, вертолёт, парашют, лодка весельная, байдарка, рафт, плот, катер, теплоход, судно на воздушной подушке, канатная дорога, фуникулёр, монорельс, квадроцикл, конь, верблюд, слон, страус.

Читателю понятно, что характер и объём впечатлений после похода по «ненаселёнке» с рюкзаком или цивилизованного пребывания в Австралии – не одинаковы. Если говорить о походах, может ли быть более достоверный способ проверить свои чувства, пристально всмотреться в характеры участников?! Но и там, и в поездках за границу есть новая информация, интересные контакты, впечатляющие виды, щекочущие нервы происшествия. Не исключены и обстоятельства, которые могут быть названы драматическими.

Самое время познакомиться поближе. Сказать, что по возрасту автор уже не работает, будет не верно. Да, он не ездит ежедневно к определенному времени в определенное заведение. Но в дни, когда находится дома, он большую часть времени проводит за столом – либо компьютерным, либо письменным. Если детство и основная часть зрелых лет описаны в биографической главе, есть смысл кое-что сказать об отрезке времени, когда писались эти заметки.

Есть формула, что жизнь человеческая после пятидесяти (шестидесяти) катится под горку. Автор почти не замечает признаков этого скатывания, во всяком случае, делает вид, что сохраняет форму.

В самом деле:

- в 58 лет кардинальное изменение рода деятельности – начало преподавания в ВУЗе;
- на преподавательской ниве вёл занятия по 11 дисциплинам;
- в 59 горный поход с рюкзаком по Приэльбрусью со снежно-ледовыми перевалами;
- в 61 выезд с командой на соревнования по ориентированию в Польшу – Чехию;
- в 62 выезд на соревнования по ориентированию в Данию – Швейцарию не просто рядовым участником, а помощником Командора – по путевой информации и контактам в зарубежье;
- в 63, 64 подобные выезды с охватом других европейских стран;
- в 65 защита диссертации;
- в 66 выезд в одиночку на Ближний Восток;
- всего за 16 последующих лет посещение 32 стран на всех обитаемых континентах;
- в 67 выход в московском издательстве «ЮНИТИ-ДАНА» учебного пособия для вузов;
- в 68–69 с женой туры по Европе (Скандинавия, Великобритания);
- в 73 издание учебника объёмом 540 страниц;
- в 78 посещение Крыма и Приэльбрусья с подъёмом до 4200 м;
- в 80 издание в Германии учебного пособия по природопользованию;
- в 81 год знакомство с Камчаткой с восхождениями и сплавом;
- всего за 22 предшествующих года более 100 публикаций научного, методического, публицистического характера;
- за 2012–2020 гг. 20 публикаций в альманахе «Российский литератор»;
- в разной степени изучал и пользовался 5 языками (кроме русского), на 2 общался довольно много; знание языков способствует общению за рубежом, самостоятельности, независимости, большему получению информации;

- хобби – туризм, путешествия; прошёл, проехал, налетал на наземном, подземном, водном, воздушном транспорте более 800 тыс. км;
- 15–20 км с рюкзаком по лесу практикуется до сих пор;
- активно работает в Фейсбуке и ВК, имея там более 500 «френдов».

Вот теперь пора подробнее изложить тот самый ПУТЬ ЖИЗНИ.

Часть I Биографическая

Из последующего текста будет ясно, почему я больше знаю о родственниках по маминой линии.

Мои прародители по маме с 4 детьми (Михаил рождения 07.09.1895, Иосиф 10.07.1897, Оскар (Ошер) 05.04.1903 и Сарра 1902 года рождения) жили в глубинке – в Житковичах Гомельской области, на р. Припять. По другим данным (аттестат мамы об окончании Борисовской гимназии с золотой медалью – это Минская область), она родилась 20 октября 1901 г. Дед Залесский Лев Григорьевич (~1860 – 05.02.1933), мещанин, изначально носил фамилию Готлиб и занимался лесом. Бабушка Надежда Ефимовна (~1865 – 31.08.34) вела домашнее хозяйство. Когда, где и по какой причине появилась фамилия Залесские, неизвестно.

Любопытна терминология того времени (в аттестате):

«Предъявительница сего ученица VII класса Борисовской Городской с правами правительственных женских гимназий Сора Лейбовна Залеская (с буквой «ять» и одним «с») как видно из документов, дочь мещанина, иудейского исповедания...» (и т. д.)

Вероятно, к этому времени семья жила в Борисове. Михаил с 1920 г. работал на заводе «Коминтерн» в Ново-Борисове. 13 марта 1923 в Борисове зарегистрирован брак с Брайной Ароновной (в быту её звали Бертой), родившейся 01.10.1899 г. в Минске. Похоже, некоторое время все они жили в Минске, потому что в один из первых моих заездов туда мне было поручено сфотографировать их дом в Музыкальном переулке.

Михаил первым выбрался из Белоруссии – и обосновался в Горьком. В январе 1931 он вытащил туда родителей, в 1932 г. они жили на ул. Звездинка, 6, кв. 4. Туда же приехала в 1931 году мама.

Иосиф (по сообщению Ани Герасимовой) окончил в Киеве юридический, в Минске работал юристом, позже поселился в Москве. Из его письма родителям в Н. Новгород 05.11.32 следует, что его семья (Рая и дети – Абраша и Белла) в это время ещё была в Минске, куда он приезжал из Москвы и где «раздобыл все потребные данные о II пятилетке». Он пишет: «Думаю, что теперь уже недолго до нашего переезда». И в самом деле, семья собралась в Москве. Забегая вперёд, могу сказать, что к 1955 г. в Минске жили две сестры Раи – Люба и Фаня Лившиц и сын Фани Аврорий (Аврик).

Мама училась в Минске, в 1925 г. окончила Белорусский государственный университет по профилю «общественных наук». Но работать она начала раньше – в трудовой книжке есть запись за 1938 год: общий стаж работы по найму, подтвержденный документами, – 18 лет. Похоже, что с 1925 по 1927 год она работала в Борисове на переписи населения, а с 21.02.27 по 26.07.29 статистиком и далее по 1931 год – экономистом в Минске. В Горьком она неудачно сходила замуж за Соломона Корбмана, который скрыл от неё наличие дочери (Веры), после чего Иосиф познакомил её в Москве со своим другом Борисом (моим отцом), о предыдущей биографии которого я знаю очень мало по рассказам Геры (дочери сестры отца, значит, моей двоюродной сестры). Бракосочетание зарегистрировано 09.05.36 в Горьком (по справке Нижегородского ЗАГС от 18.11.14 регистрация 03.05.36, место работы отца – Соц<Э>КГИЗ Москва, корректор). По официальным данным, место работы отца – Соцэкгиз, в 1941 г. объединено с Госполитиздатом.

Вся семья Залесских в 1920-х, Минск. Вверху – Берга, Сара, Рая; в среднем – Михаил, родители, Иосиф; внизу – Оскар (Ошер)

Я появился на свет 30 июня 1937 года.

Воспоминания о возрасте 2–4 года очень поверхностны и отрывочны. Мы жили в Москве в Малом Козихинском переулке, 36, кв. 1 (по другим данным, в Большом Козихинском), но 28.09.40 дом поставили на капитальный ремонт, жильцам предложили выбор – или компенсацию, или временную прописку с последующим (по окончании ремонта) возвращением в свой дом.

Когда поставили на ремонт наш дом в Москве, мы жили у Брискманов (какие-то родственники), по-моему, в одной с ними комнате в коммунальной квартире. И совсем смутное воспоминание о разговорах типа «сегодня ночью забрали такого-то». К счастью, нас это не коснулось.

То ли из-за условий проживания, то ли по чисто медицинским причинам я оказался в туберкулёзном санатории в Сокольниках (летом в Царицыно), где провёл 11 месяцев и 10 дней (до 18.05.41). Как ни странно, помню некоторые детали. В частности – как мама с внешней стороны забиралась на забор и разглядывала меня в театральные бинокль. Контакттировать запрещалось, а зрение у неё было плохое, но очков почему-то не было.

Родители со мной. Москва, 15 января 1939 (На обороте: «Лёвущке 1 г. 6,5 мес.»)

Не могу объяснить – ни как я оказался в этом санатории, ни почему позднее в Горьком не мог ходить, хотя в санатории передвигался свободно. Возможно, резкое изменение в питании и стресс. Но позднее, уже в деревне, я вроде бы мог ходить самостоятельно, а в Михайловском (это 6–7 лет) сам ходил в детсад за 3 км.

Поскольку при постановке дома на ремонт родители выбрали временную прописку, в начале войны маму со мной и одним чемоданом эвакуировали в Горький, отец в своём издательстве перешёл на казарменное положение и до конца войны жил в спортзале издательства, где стояло сто коек.

Уезжая из Москвы, ценные хрупкие вещи мы сдали Хесе (двоюродной сестре отца), а остальные, довольно многочисленные – на государственный склад.

На этом заканчивается совместная с ним биография семьи. Когда нас эвакуировали, можно было выбрать направление. Мама назвала Горький, потому что там жил ее брат Миша. С 13.10.39 он работал старшим экономистом треста «Главмаслопром».

И ещё в Горьком в здании речного училища жил «старче» – так звали отца жены Оскара Берты. Кстати, о Берте. Оскар жил с семьей в Минске, у них было 2 дочери – Наденька моего возраста и Соня 11 лет. В воскресенье 22 июня 1941 года Оскар был на работе. Но когда объявили воздушную тревогу, бросился домой. Его перехватили на улице и загнали в бомбоубежище. А когда дали отбой тревоги, и он добежал до дома, он увидел дымящиеся развалины – в дом попала бомба. Ни одной живой души. Мертвых тел он тоже не нашёл. Правда, усмотрел на косяке своей двери превратившееся в гармошку своё кожаное пальто. Катастрофический бардак и паника – вот атмосфера первого периода войны, особенно на западе. Удар с воздуха был нанесен одновременно по расположениям воинских частей (они были подтянуты к границе), аэродромам (мы остались без авиации), крупным городам, вокзалам и путям. Поэтому способные бежать из этого ада могли двигаться на восток только пешком и тоже методично уничтожались.

Я с мамой. Москва, 1940

Была робкая надежда, что семья вместе с другими бежала из города. Может быть, имея целью Горький. И он тоже пошёл на восток и осенью добрался до Горького. О судьбе жены и детей он до конца своей жизни так и не узнал. Годы войны проработал в лесном хозяйстве в Горьковской области, потом вернулся в Минск, потом перевёлся в Брест, где женился на

враче Розе, которая всю войну работала в армейских госпиталях, имела дочку Аллу (1941 года рождения). Муж Розы погиб. Они переехали в Ленинград, где жили до конца. У них был общий сын Борис рождения 06.04.1947, который нелепо умер в 15 лет. Алла сейчас в Израиле. Я тоже писал о судьбе семьи Оскара по многим адресам. И тоже безуспешно.

Девичья фамилия Розы – второй жены Оскара – была Годе с. Позже мы узнали, что родом она из Белоруссии, её брат с семьёй (сын Илья и дочь) жили в Канавино, на улице Искры. Вскоре после женитьбы они (Роза с Оскаром) приезжали к родственникам в Горький, при этом известили маму, и мы там были. После этого мы не контактировали с этой горьковской семьёй.

Здесь, в Горьком, в 1989 году зародилось Общество еврейской культуры, на мероприятия которого по воскресеньям я стал ходить. На одном из этих собраний ко мне подошёл мужчина моего возраста и представился: «Я Илья Годес». Других комментариев мне не требовалось. С тех пор мы общаемся по-дружески. Для меня остаётся загадкой, как можно узнать человека через 50 лет, что сделал Илья.

Печальный ШАГ В СТОРОНУ и вперёд: Илья умер 22.11.19 в возрасте 87 лет в реанимации больницы № 5 после инсульта (а, может быть, и последующего инфаркта).

У меня был ещё один аналогичный, не менее загадочный случай. В 22 года я был на свадьбе двух моих коллег по турпоходам. Ко мне под села девушка – подруга новобрачной – и сказала: «А мы с вами были в одной группе детсада». Это 18 лет назад! Мы, наверно, несколько изменились с тех пор.

Дядя Оскар с женой Розой Борисовной, 1947

Дочь Розы Алла, 1960

В 2003 году я поехал в тур по Израилю. Взял у Ильи телефон Аллы и там позвонил ей. Она сказала, что чувствует себя неважно, сама мало мобильна, но если Юля (дочь) сможет её привезти в такой-то час в такое-то место в Яффо, мы повидаемся. Наша гидесса специально выстроила знакомство с Тель-Авивом и Яффо, чтобы я оказался там, где была назначена встреча, но Алла не приехала. Когда я стал взрослым и бывал в Ленинграде, я заезжал и даже останавливался (редко) в семье Оскара – они жили на Невском, в его конце, примыкающем к Александро-Невской лавре. С Аллой я продолжал общаться и после смерти Оскара, и после смерти Розы 16.04.91 г. В 1960 Алла вышла замуж. У них с Борисом была очень красивая дочь. Постепенно командировки в Ленинград, а с ними и контакты сошли на нет. Она ушла из жизни в 2019 г.

Вернёмся в Горький, 1941 год. Миша с Бертой жили в 12-метровой комнате с ещё двумя соседями. Физически разместиться там надолго было нереально. Кое-как перезимовали у «старче». При этом, чтобы не умереть с голоду, маме надо было работать.

Ей удалось пристроить меня в детсад на улице Ульянова, рядом со сквером Дома пионеров. Но у меня отнялись ноги, и мама возила меня туда на санках, а там я сидел весь день верхом на стуле лицом к спинке. Там я встретил новый, 1942 год. Имеется фотография 18 малышей в маскарадных костюмах, воспитательницы и «Деда Мороза», на обороте которой почерком мамы написано: «Снимок с детским садом в г. Горьком 4/1 42 г. (у елки)», на которой в левом нижнем углу виден я в костюме зайчика.

Разлука отца с нами во время войны как-то могла объясняться обстоятельствами, но когда и после войны он предпочёл остаться в Москве, стало ясно, что это навсегда. И мама при очередном наезде в Горький уже в 1945 году сменила мне в ЗАГСе фамилию. Фамилия отца была Хенох. Можно догадаться, какие аналогии она вызывала бы в школе, тем более деревенской.

По словам племянницы отца Геры Калининой (дочери сестры моего отца Доры) получается, что родители отца приехали из Франции в Пермь в связи со строительством Транссибирской магистрали (дед был специалистом в этой области). Там отец и родился (1892). Возможно (по данным, найденным Миланой Федоровой, пермской знакомой моей племянницы Ани), фамилия в те годы звучала как ХЕНАХ (на Западе распространена фамилия *Hannah*, например, мать Ньютона носила эту фамилию). Этим может объясняться безуспешность моих попыток через архив Перми найти точные данные.

Вот первые находки Миланы в Пермском архиве (ГАПК):

«1) В ГАПК есть дело об утверждении несовершеннолетнего Б.И. Хенах в правах наследства от брата З.И. Хенах (ф. 1., оп. 1, д. 971).

2) Книга «Вся Пермь на 1911 г.»: там есть штатный чертежник службы пути Пермской железной дороги Хенбх Сар. Исаак., мещанин, проживал по адресу: Большая Ямская, 20 (видимо, на квартире, насколько я поняла, дом не его). (*Очевидно, это Сарра Исааковна, ненароком сменившая пол по вине справочника «Вся Пермь». – А.Г.*)

3) Есть также дело: в ф. р–180 (фонд университета) оп. 6 (агрономический факультет) д. 787 Хенах Борис Исаакович».

По воспоминаниям Геры, отец отца (мой дед) Исаак Моисеевич был машинистом паровоза на линии Пермь – Екатеринбург. Он приехал из Франции, умер в 1902 году, похоронен в Перми. Мать отца Паулина родом из Вильнюса, умерла в 1910 г., не работала, похоронена в Перми. Кроме моего отца, у них было ещё четверо детей: старшая – Елена, Софья 1888 г. р., Зиновий 1896, Дора 1900 г. р. (родилась в Вильнюсе). (Специалист по еврейской генеалогии Дмитрий Широкин по документам вильнюсских архивов сообщает несколько иную версию, подробнее см. в третьем разделе. – А.Г.)

Брат деда Леопольд был ревизором движения. Зиновий – нефтяник, жил в Баку, его жена Раиса Адольевна – тоже нефтяник со специальным образованием. На старости лет жили в Москве. Его дочь Анна Зиновьевна Хенох была пианисткой, её мужа, геолога, звали Кирилл.

Дочь второго брата, Бориса – Хиенна Борисовна (Хеся) Березницкая (1899–1991). Её муж Яков Львович Березницкий (1894–1938), участник гражданской войны, военный инженер, расстрелян 1 сентября 1938 г. Сёстры Хеси жили в Куйбышеве. Дочь Хеси Вера, по мужу Кунельская (р. 1928) – оториноларинголог, д. м. н., профессор. Её муж Леонид Эммануилович умер в 1998 г. У Веры и Леонида две дочери: старшая – Аля (Ольга), младшая – Наталья. Брат Веры Березницкий, Лев Яковлевич (1923–1993), был инженером-энергетиком (окончил МЭИ в 1950 г.).

Вернёмся к старшему поколению. Елена (сестра моего отца) жила у Леопольда. Когда от него ушла жена, он привёз Елену в Пермь к матери.

Софья жила в Перми. Александр Калинин привёз её в Свердловск в 1934 г., а в 1937 Калинин, Дора, Гера с Софьей переехали в Воронеж. Дора в Свердловске кончила химфак. У Софьи семьи не было, в Перми она работала машинисткой; умерла в августе 1941 г. от рака желудка.

Полученные в мае 2016 благодаря моей пермской знакомой Александре Отиновой архивные данные уточняют рассказ Геры.

Отец при рождении (дата его рождения 9 апреля 1892 года (21.04.1892 по новому календарю) документально именовался Борис Исаакович (Ицкович) Хенах.

Его родители (мои дедушка и бабушка) Исаак Зунделевич Хенах (к 1907 г. его уже не было в живых) и Паулина Львовна (Песя Лейбовна), девичья фамилия Ленц.

У отца был брат Зиновий Исаакович (Ицкович) Хенах, который умер 11 февраля 1907 г., завещав Борису вклад в Пермское Отделение Государственного Банка билетами 4 % Государственной Ренты, всего 11 листов, номинальная сумма коих равна 3400 руб., а курсовая, согласно таблицы оценки бумаг для начисления наследованных пошлин, в первом полугодии 1907 года равна по 73 руб., то есть всего 2482 рубля.

Похоже, что у отца были также две сестры – Сарра и Деббора.

Упоминается аттестат отца: «вступив в АЛЕКС..КОЕ реальное училище 14 августа 1901 году и окончил 8 июня 1909 году полный курс по основному отделению при отличном поведении». Указываются и оценки: «по закону Божиему – 5, так же как и по истории и черчению, по немецкому и французскому языкам – 4, а по русскому – 3». Это вызывает улыбку и удивление, ибо много позже он был безукоризненным корректором.

Не совсем понятна запись о том, что после службы солдатом в 105-м Оренбургском полку «он попал в плен и определен в первобытное состояние 23 мая 1918 года освобожден от воинской обязанности. В плену был... комиссия сочла его освободить в первоначальное состояние...» Есть его фотография в этом возрасте.

Упоминается отец и в фонде агрономического факультета Университета.

Борис Хенах, впоследствии мой отец. Пермь

Вернёмся к родственникам отца. Калинины ушли из Воронежа 07.07.42 пешком до Грязей, оттуда с пересадками в Деево (Рязанская область). Дору при этом потеряли. Дора работала

в Пединституте препаратором кафедры химии и уходить из Воронежа не хотела. Их коллектив бросили на рытье окопов до августа. От нагрузки у неё произошёл психический сдвиг. Отец Геры работал в особом отделе железной дороги и с начала войны находился на казарменном положении. В 1944 все собрались в Липецке. Отец умер от туберкулёза в 1947 году в возрасте 51 года. Дора в Липецке до 1949 года была на инвалидности по психическому заболеванию, после чего до 1958 г. работала на санэпидстанции. Умерла в 1983 г. Последние годы была в тяжелой степени старческого склероза (болезнь Паркинсона или Альцгеймера?) и доставляла семье массу неприятностей. Гера была замужем за Николаем Ивановичем Степановым, инвалидом войны, который умер на два года позднее Геры (Гера – в 2008 году).

Согласно сохранившемуся собственноручно написанному отцом Личному листку по учету кадров, он в 1910 г. окончил Пермское реальное училище, в 1910–1914 гг. учился в Льежском политехническом институте, в 1932 окончил полутрехгодичные курсы техредов. В 1919–1921 работал в Екатеринбурге (инструктор профтехобразования в отделе народного образования), с 1921 – в Москве (корректор – литредактор – корректор до конца жизни).

Из того же листка следует, что его отец – паровозный машинист (не исключено, что истина скорректирована в угоду советской целесообразности), умер до революции.

Но на мой запрос в облархив Перми (дважды) ответили, что никаких данных о Хенохе не нашли, а еврейская община просто не ответила. Зато в Брюсселе в телефонной книге Хенохов 1,5 листа. Три запроса в Льеж остались без ответа.

Понимаю, что переварить приведенную здесь информацию о семейных связях трудно.

Весной с помощью брата Миши (он работал экономистом в тресте Главмаслопром) мама получила работу (без жилья) в какой-то глуши в области. По разным причинам за войну она пять раз меняла работу, и мы переезжали, проживая в случайных углах и перебиваясь с пшена на воду. В одном месте (то ли Фокино, то ли Сомовка, а ещё было Варварино) ей выделили участок земли в 5 км от деревни, на котором она посеяла просо (это при её-то зрении, плохом сердце, отсутствии опыта и полном неумении ориентироваться), а потом собрала урожай и на себе принесла домой. Работали тогда без выходных и ненормированно, так что свои «сельхоз-работы» она выполняла в темноте.

С Варварино связана история с систематическим угоранием. Мама работала допоздна, и в доме, кроме меня, была только пожилая хозяйка. Она топила печь и закрывала трубу ещё до полного прогорания дров, так что у меня начинала болеть голова, и я на грани потери сознания выбирался на лестницу в сени. Лучше мёрзнуть, чем мучиться в угаре.

В меру своих сил и существенно нам помогал мамин брат Иосиф. Он присылал нам посылки с «мелочами» – галантереей, которая в Москве ещё была, а для села такие вещи были большой ценностью, это нас поддерживало. Хотя жизнь московской семьи тоже была скорректирована войной – на какое-то время они эвакуировались в Куйбышев, но вскоре вернулись. В Михайловском мы получили от них денежный перевод.

В трёх местах мама устраивала меня в детсад, в других я пасся самостоятельно. В пятилетнем возрасте состоялось моё первое публичное выступление. Дело было в январе. Мама взяла меня на торжественное собрание, посвящённое годовщине Ленина. После официального доклада партсекретаря варзавода (это Фокино, мы жили при Варзаводе, который делал варенье для армии) прозвучал вопрос: «Кто хочет выступить?» Наступила тишина, желающих не было, и на сцену пошёл я. Там, встав на табуретку, я прочитал стихотворение о Ленине. Успех был большой.

Там мы жили в каком-то казённом помещении. Помню, что хлеб мама пекла сама в печи (и этому пришлось научиться!). Мне разрешалось слепить свою маленькую булочку из ржаного теста и запечь вместе с большой.

Неместная внешность и совсем экзотическая фамилия не проходили без последствий. Ещё раньше, в Чугунах, где мама работала экономистом на спиртзаводе и мы жили у Лизы

Дедукиной, я ходил в детский сад спиртзавода, располагавшийся в двухэтажном доме с печным отоплением. Местные старшие мальчишки в пути и на входе «угощали» меня клочками, снежками и тумачами. Так что девочка лет четырнадцати-пятнадцати (тоже из эвакуированных) временами сопровождала меня, при этом доставалось и ей. Наверно, непривычно чёрная шевелюра подвигла одного из моих «коллег» сбросить мне на голову полено со 2-го этажа, когда я был на первом. Пролом, кровотечение. Может быть, этим эпизодом объясняются отдельные странности в моём поведении (ха-ха). Там же, в Чугунах, нас выводили летом на подкормку, когда появлялась земляника. Сообщаю рецепт и технологию: сорвать лист берёзы, сорвать ягоду земляники, положить ягоду на лист и свернуть эту композицию пирожком, после чего съесть. Большим лакомством считалась дуранда.

Мама организовывала подкормку дома, собирая в лесу малину. Преимущественно на опушке, чтобы по звукам не терять направление для возвращения. Однажды, как она рассказывала, она отчётливо услышала, как кто-то шумит и дышит по другую сторону куста. Когда она окликнула «кто тут?», этот кто-то с треском бросился наутёк. Скорее всего, малиной лакомился медведь.

И ещё один источник пополнения нашего рациона – погибшие куры. Дело в том, что в те годы Казанское шоссе проходило по деревенской улице (позже шоссе прошло в километре от деревни). И, хоть и не часто, по ней пролетали машины. Попавших под колёса кур хозяева не ели, а отдавали нам.

С военной порой связаны ещё два воспоминания.

Наверно, тогда мы жили в Чугунах. Отцу в Москве сделали операцию, после чего полагался длительный больничный отпуск. И он приехал к нам. Чтобы не сидеть на шее, он устроился ночным дежурным на конюшню и спал там около лошадей.

Характерный для Москвы того времени и трагический с моих сегодняшних позиций эпизод. Это из рассказов отца. У отца в Москве был давнишний близкий друг Александр Александрович, в семье которого любимым членом была собака (такса, кажется). С продуктами питания стало настолько туго, что все они были на грани гибели от дистрофии. Александр Александрович с собакой и чемоданом выехал из города, зашёл в глухой лес, уложил собаку в чемодан, запер чемодан и, оставив его в лесу, вернулся в Москву.

И другое, совсем другое. Видимо, у нас с мамой были выезды в Горький. При этом она оставляла меня в семье земляков по Белоруссии. Их фамилия была Почтарь. Это были молодые супруги и две дочери. Отец семейства, наверно, занимал солидную должность, только этим можно объяснить благополучие и даже преуспевание (так, по контрасту с нашими мытарствами, мне запомнилось) в этом доме. Хозяйка не работала, и в квартире царил идеальный порядок. Ко мне отношение было выше всяких похвал. Мы бывали там и после войны, а я – и много позже, когда родителей уже не стало, их дом был снесен. Дочь Гута с семьёй жила недалеко от бывшего родительского дома, муж её Головань дорос до уровня главного конструктора Гидромаша; у них была милая дочка Полина немного моложе меня, получившая музыкальное образование и работавшая затем в консерватории.

Младшая из сестёр Фира вышла замуж за Абрама Христофоровича Розен-блюма – милейшего человека, прошедшего войну и работавшего начальником ЦЗЛ завода им. Фрунзе. Периодически мы с ним встречались, всегда он излучал тепло и приветливость. Умер он в феврале 2016 года в возрасте 94 лет. О судьбе остальных на момент написания этих воспоминаний я не знаю.

Но вернёмся к военной поре, ещё подробности.

1944–1945 годы мы жили в селе Михайловском Воротынского района. Это на восток от Горького, вниз по Волге около 130 км. Воротынец на правом берегу

(как Горький), а Михайловское – на левом. Довольно большое село: там и затон для отстоя судов, и леспромхоз. Село в трёх км от Волги, а детсад, куда мама меня устроила –

в затоне, недалеко от берега. Жили, конечно, в частной избе, где нам предоставили «переднюю» – довольно большую и светлую комнату. В детсад я ходил сам, иногда после сада заходил к маме, она работала экономистом в конторе леспромхоза. Когда мне было без двух месяцев 7 лет (1944 год, Михайловское), в детсад пришли из школы познакомиться с потенциальными первоклассниками. Я был признан годным и 1-го сентября пошёл в школу. О школе воспоминаний не сохранилось, но через несколько дней туда нагрянула мама (отпросилась пораньше с работы), поговорила с учительницей. Видимо, та произвела неблагоприятное впечатление (мама потом говорила, что она и по-русски говорить не умеет), потому что мама увела меня прямо с уроков, упростила директрису детсада в порядке исключения поддержать меня ещё некоторое время. Кстати, по некоторым признакам заведующая детсадом была тоже из эвакуированных – она отличалась нормальным русским языком.

Этот период запомнился травлей со стороны местных мальчишек, приездом отца, контактами с ещё одной еврейской семьёй Кацнельсон, в которой был 16–18-летний парень, катавший меня на велосипеде.

Мама же стала пробиваться поближе к цивилизации. Думаю, что опять помог дядя Миша, и мы оказались в районном городке Семёнове. Это в 70 км от Горького на железной дороге Горький – Киров, около 20 тыс. жителей. Переезжали мы на полуторке. Опять частный дом почти в центре городка, недалеко двухэтажная школа, а на окраине – лагерь для военнопленных немцев, которые производили что-то из товаров народного потребления. Там мама опять получила работу экономиста в конторе.

Школа нас устраивала по своему уровню, учительница Худякова была несравненно более профессиональна, чем та в Михайловском; но большую часть дня я был предоставлен себе. На несколько месяцев зимы меня даже приняли в детский сад, откуда я приходил в холодную избу, зажигал керосиновую лампу и растапливал печку, чтобы прогреть избу до прихода мамы. В контору я тоже ходил, и меня запускали на территорию лагеря, где было безопаснее, чем на воле. Немцы со мной возились, играли, сделали мне самокат на шарикоподшипниках, на котором я катался по единственной в городе 300-метровой асфальтовой дорожке в центре. Мама водила меня в баню (женскую), где я встречал своих одноклассниц. Запомнилось событие – охотник продал нам на мясо убитого им глухаря.

Несколько штрихов, характеризующих мой уровень в то время.

В детском саду у меня несколько необычный статус: спать не обязательно, зато быть на улице могу сколько угодно. И вот я ползу по двору детсада по-пластунски в глубоком сугробе «как разведчик на линии фронта», забивая рукава и валенки снегом.

Открутив с маминого театрального бинокля (ума не приложу, как он сохранился в наших эвакуационных скитаниях) объектив, я хвалюсь им в классе, что-то рассматриваю через него, пока Худякова не отбирает его у меня. Вернуть объектив так и не удалось: она его потеряла.

На дом задали стихотворение. Чтобы заучить его, я его громко декламирую в будке туалета около маминой работы. В другой половине туалета – мамина сотрудница, которая потом хвалит в конторе мою декламацию.

Из детсада домой я возвращаюсь раньше мамы, в этом случае растапливаю печь в остывшей избе. Чтобы загорелись сырые дрова, поливаю их керосином. Нечаянно керосин проливается на пол. Чтобы он скорее высох и не было нагоняя от мамы, я подогреваю лужу на полу горячей газетой.

В апреле 2019 г. мне удалось с экскурсией побывать в Семёнове. В этой поездке я пробежался по улице 1-го Мая, где мы жили, и нашёл ближайшую школу, где, предположительно, проучился в первом классе. Всё мало узнаваемо: прошло 74 года! Совершенно преобразилась центральная площадь, на которой в 1945–1946 гг. было одно административное здание, а в начале нашей улицы мне помнилось здание с трубой, похожее на электростанцию. Теперь пери-

ферия площади обросла постройками различного назначения, а первый квартал «моей» улицы застроен новыми большими красивыми зданиями.

Летом мы снялись и поехали в Москву. По-моему, мамины силы в части проживания в глуши, на частных площадях, кончились.

Мы разместились в «казарме», в которой отец провёл войну и где ещё оставалось несколько десятков коек. Но, поскольку это была мужская казарма, нам за ширмой выделили уголок. Возможно, территориально это было в районе Бульварного кольца.

Улица «1 мая». Семёнов, 2019

Школа № 1 на пл. Корнилова, 2019

Мама сделала безуспешную попытку восстановить свои московские права. Официально нам отказали потому, что дом наш в Москве был разрушен бомбардировкой.

Несколько раз были у Залесских, которые жили тогда в Студгородке, на ул. Подбельского. Не раз я оставался в квартире один, а когда возвращались взрослые, докладывал о своих достижениях за день. В частности, по освоению Сашиной (перед поступлением в авиационный техникум Абраша стал Сашей) мандолины. Рая работала врачом, Саша на фирме Туполева, Белла в это время училась, а Иосиф работал в Госплане.

Кстати, об Иосифе. В Москве его работа была экономической, статистической. После войны он защитил кандидатскую диссертацию о сахарной свёкле. По воспоминаниям Ани, он читал на 17 языках (в том числе на иврите, арамейском, латыни, греческом, английском, немецком, французском и итальянском), говорил тоже на нескольких, почти написал (в стол) докторскую диссертацию.

Все европейские варианты трудоустройства при участии Иосифа, работавшего в Госплане, были без гарантии жилья – города были сильно разбиты, восстанавливалась в первую очередь промышленность. Единственное место, которое Иосиф сумел оговорить с приезжавшим директором (его фамилия была Май) – это Биробиджан, центр Еврейской автономной области (ЕАО) на Дальнем Востоке, ткацкая фабрика, где обещали жильё.

Основные надежды мамы по восстановлению в Москве или новому трудоустройству, но обязательно с предоставлением жилья, были связаны с ним – жильём.

Наиболее чётко из периода пребывания в Москве вспоминаются два сюжета.

Я один гуляю около нашего временного пристанища. Недалеко – трамвайная остановка. Я прохожу туда, вхожу на ступеньки вагона трамвая, выбираю момент, когда он снижает скорость на спуске и повороте, и «десантируюсь» (двери вагонов тогда закрывались вручную, а в тёплое время просто были открыты). Выпрыгиваю перпендикулярно движению, поэтому падаю на бок и больно ушибаюсь о булыжную мостовую.

Другой сюжет, уже когда было ясно, куда мы едем. Это огромная территория госскладов вещей эвакуированных москвичей. Мы получаем свои ящики, долго сортируем вещи, отбирая необходимый минимум, вновь укладываем отобранное в ящики, отвозим на товарную станцию Казанского направления и отправляем «малой скоростью» (это дешевле) в Биробиджан (вещи пришли через полгода).

Вспоминается отъезд. ОБЩИЙ вагон длинного состава. В открытое окно всовывается отец и спрашивает: вы в купе? Мы вспоминали этот вопрос с мамой тысячу раз. Ехать предстояло 10 суток. Каким «умным» я был в 9 лет, иллюстрирует такой факт. В долгом путешествии развлекаются по-разному. Взрослые проявляют внимание к ребёнку вопросом: «Кем ты хочешь быть, когда вырастешь?». Я отвечал «Метеорологом». Только на меридиане Восточной Сибири в результате продолжения расспросов выяснилось, что я имел в виду астрономию.

Запомнилась охота за кипятком и какими-нибудь продуктами на станциях. Запомнился Байкал. Местами вагоны проходили по карнизам берега, едва не касаясь скальной стенки. Десятки тоннелей, крутые повороты, когда в окно одновременно видны паровоз и хвост состава. Опытные пассажиры предупреждали, где нужно покупать омуля – копчёного, солёного.

Наконец, прибыли. Название вокзала на двух языках. Обещанная квартира – в деревянном бараке без «удобств», с печным отоплением. Поднимающаяся с каждым днём река. Все разговоры – о наводнении.

Юрий Всеволодович основал Нижний Новгород при слиянии двух рек – Волги и Оки, представлявших собой наиболее целесообразный вариант передвижения в те времена.

Советское руководство основало Биробиджан на слиянии двух рек – Биры и Биджана, хотя в то время существовала Транссибирская магистраль, много более удобная для транспорта, чем эти две неглубокие и порожистые реки.

Немного подробнее о биробиджанском этапе.

Юрий Всеволодович построил Нижний Новгород на высоком (на 70 м выше уреза рек) берегу Волги.

Биробиджан расположен между реками (Бира и Биджан) выше точки их слияния на заболоченной низине. Поэтому в конце лета, когда на Дальний Восток приходит циклон с дождями, город оказывается затопленным. Наш барак оставался на суше, но из окон было видно огромное затопленное пространство и плывущие по реке брёвна, деревья и даже дома.

Из статистики с показателем «30»: в городе 30 % туберкулёзников, 30 % евреев (на то время, сейчас меньше ОДНОГО процента), 30 % бывших заключённых.

Как же родилась и сформировалась ЕАО? Если вспомнить историю ЕАО, исходной точкой можно считать первых переселенцев, прибывших в 1928 году на станцию Тихоньяка.

Вспомним Магнитку, ДнепроГЭС, железную дорогу из Сибири в Туркмению (Турксиб), туркменские каналы, Кара-Богаз, целину. Были времена патриотизма, самопожертвования, дисциплины. Призывом, «указаниями партии», «подъёмными» (единовременные денежные подачки), сравнительно хорошими снабжением и зарплатой удавалось направлять людские потоки на реализацию планов Партии. Те же «подъёмные» – мы их тоже получили.

Отчасти всё это было задействовано и при создании ЕАО.

Из Википедии: Образована 7 мая 1934 года. На сегодня евреи составляют 1,2 % или 2327 человек населения области (из 177 тыс.).

Были и другие подоплёки.

Все нации такой численности (в 20–30-е гг. было 2 % населения СССР) имели свою автономию. Была попытка посадить евреев на сельское хозяйство в Крыму. Но это выглядело слишком убого и вызывало жгучий антагонизм с украинцами и татарами. Тогда и началось выселение евреев в Приамурье. Побудительные мотивы:

– убрать из центра, где они раздражали тем, что выигрывали во многих интеллектуальных сферах;

– попробовать «окончательное решение», как позже у Адольфа;

– продвинуть освоение Дальнего Востока.

Архитектурное решение Биробиджана было не хуже других восточных городов.

Город в общем был неплох. Центр был красиво отстроен, был еврейский театр, стадион, где иногда заключённые встречались в футбольных матчах с «вольными», выходила на двух языках газета «Биробиджанер Штерн», на улицах много зелени, в том числе кедров. Хуже было с продуктами. В центральном гастрономе было два продукта: развесные солёная горбуша и икра. Немного разнообразнее был ассортимент базара. Запомнилось, что зимой молоко продавали твёрдыми дисками в форме миски. Кстати, зима наступала 7 ноября и прочно, с порядочными морозами и солнцем.

Там оказались или наезжали видные деятели театра, литературы, политики. В 30-е гг. туда приезжала Жемчужная. При нас там пел Александрович. Еврейский театр, еврейские рестораны, еврейская библиотека, еврейское радио, газеты, журналы.

Но после Войны и особенно после 1953–1956 гг. стремление «на Запад» было практически всеобщим – у кого были малейшие зацепки, уезжали. А решающим моментом стало разрешение на выезд на «историческую родину».

Из Википедии: Ныне в Израиле живет более 15 тысяч репатриантов из Еврейской автономной области, из них более 5 тысяч в городе Маалот, составляя около половины жителей города. Ежегодно в Израиле проводится всеизраильская встреча репатриантов из ЕАО. В 2008 году ЕАО на этой встрече 25–27 июня представлял мэр Биробиджана А. Винников, директор Института комплексного анализа региональных проблем (Биробиджан) Ефим Фрисман и другие.

Поскольку, когда я в 1946 году окончил первый класс, мне было 9 лет, потом в Биробиджане я летом экстерном сдал за 2-й класс и «догнал» своих сверстников.

Школа оказалась довольно далеко от нашего места жительства, хотя в остальном заслуживает высокой оценки. Мы с мамой не без труда добрались до неё, и по настоянию мамы мне устроили экспресс-экзамен и разрешили за оставшийся до начала занятий месяц пройти (дома) программу 2-го класса и в случае успешной оценки результата пойти в 3-й класс.

Это удалось. В школе с 3-го класса изучали английский, так что мои познания в немецком от контактов с военнопленными негодились.

Несмотря на крайнюю нужду, мама купила мне велосипед (взрослый, я так до отъезда и не мог ездить с седлом).

Там мы тоже сменили два места жительства (и работы, и учёбы) и жили за счёт огорода, козы, кур и кроликов и рыбной ловли (трудно себе представить маму с этим хозяйством при зрении минус 10 и с 10-летним помощником).

Были приложены чудовищные усилия, в результате которых мама перешла на работу на Обоззавод № 11 Оборонпрома (развёрнутое название – обозный, ибо делались транспортные средства для армии, конкретно – автоприцепы). Работали на нём в основном пленные японцы. Но зато за забором (снаружи), рядом с конторой, стояло двухэтажное кирпичное здание, в котором на первом этаже было пожарное депо, а на втором – квартира директора (его фамилия Кадинер) и общежитие, одну из комнат которого получили мы. Во дворе был деревянный туалет и сарай, один из которых достался нам. Но главное – в доме было центральное отопление.

Естественно, мне пришлось перейти в школу при посёлке (можно считать её четвёртой, но по-серьёзному – второй). Посёлок отстоял от города на десяток километров, но имелось регулярное сообщение посредством одного большого автобуса довоенного образца.

Школа оставила хорошее воспоминание – большая, кирпичная, светлая и тёплая. Я нормально вписался в коллектив.

Больше других подружился с одноклассником Фимой Синайко. Запомнилась ещё одна одноклассница – Рита Ратнер.

Мама Фимы работала в школе уборщицей, при этом была очень радушной и общительной. Поскольку они жили в посёлке, недалеко от школы, а моя мама «пахала» в заводоуправлении допоздна, я часто с Фимой из школы шёл к ним домой, помогал ему делать уроки.

ШАГ В СТОРОНУ и вперёд. Если перескочить во времени на 20 лет, он был единственным, с кем из биробиджанских мне довелось вновь общаться.

В 1965–1968 гг. мы с женой жили в подвале деревянного двухэтажного дома с печным отоплением и без канализации. В те времена я мечтал о научной карьере и отчасти поэтому, отчасти из-за сомнительного «уют» подвала по возможности работал в выходные в областной библиотеке (она до сих пор называется «Ленинка»). И вот однажды священную тишину «Зала научных работников и специалистов» проломил громкий клич: «Лев Залесский здесь?». В дверях стоял крупный, совершенно незнакомый на первый взгляд мужчина. Это был Синайко. Как он отследил мои переезды, остаётся тайной. Но, воспользовавшись командировкой в Горький, узнал мой адрес, разыскал дом, узнал от жены (она сидела с маленьким Мишей), где я, нашёл библиотеку и меня. Его биография проще и успешнее моей. Он по окончании школы поступил в Благовещенский педагогический, а пятый курс его совпал с формированием Новосибирского научного центра. Там создавалась спецшкола для сибирских вундеркиндов, и представители центра искали педагогов, в том числе в Благовещенске. Фима был отобран, получил в Академгородке квартиру, женился и, в силу уникальной коммуникабельности, завёл знакомства в престижнейших НИИ, в том числе с атомщиком Роальдом Сагдеевым, у которого стал ближайшим помощником. Позже, в 1970-м, когда Сагдеев перевёлся в Москву, Фима с семьёй тоже переехал в Москву и работал начальником крупного испытательного центра. Я бывал у него в Академгородке, он приезжал к нам в Горький два раза из Москвы. С возрастом у него сначала стали отказывать ноги – ездил на работу на машине. Уже обезноженного его возили на работу, настолько он был незаменим. Последний год провёл с женой в больнице на диализе. Продали дачу, чтобы купить почку – не успели. Подали документы на выезд в Германию, где могли помочь. Он умер в 2000 году. Вызов из Германии пришёл через 3 месяца.

Жена Вера ушла на пенсию в 55 лет, чтобы помогать дочери Ире. Ира в 90-е работала гувернанткой благодаря знанию английского и французского языков и владению музыкой.

Возвращаемся в Биробиджан. Завод располагался в километре от посёлка имени Героя Советского Союза Бумагина (еврея, уроженца тех мест, есть статья о нём в Википедии). Невдалеке виднелись сопки, а чуть дальше, как выяснилось летом, протекала Бира. Мама купила мне коньки, так что в школу и в посёлок с мамой – в магазин или библиотеку – я ездил на коньках. Школа была опять с английским с 3-го класса, учился я хорошо, был принят в пионеры и даже был делегирован на областной слёт пионеров.

Были и лыжи.

Зимой пришёл наш багаж из Москвы. Помню, как, перебирая содержимое ящиков, я переносился в другой мир. Вещи нравились не только мне – в ящиках поселились мыши, которых мама панически боялась, а я уничтожал их молотком.

Весной жажда новаций и голод подвигли нас к активной деятельности. На небольшом участке, где были огороды сотрудников, рядом с домом и конторой, были посажены овощи. Куплены куры, которые несли яйца. В посёлке в 15 км от завода по наводке маминой сотрудницы была куплена коза Катька – белая красавица огромной силы и буйного нрава. Мы привели её пешком на верёвке. Во всём этом я принимал участие, не меньшее, чем мама. К этому моменту на основании справки о моём не самом лучшем здоровье мама получила для меня путёвку в санаторный пионерлагерь в горах в тайге. Везли детей туда и оттуда в кузове грузо-

вика. В лагере хорошо кормили и предоставляли много свободы, так что мы подкармливались в лесу диким виноградом-кишмишем и «парашютировали» на длинных и гибких ветках деревьев грецких орехов.

Но время моего отсутствия стоило маме больших переживаний и множества синяков на фронте освоения доения. Помогал сосед, который пытался удержать Катьку на месте за рога. Причиной этой войны были Катькино понимание независимости и мамино неумение доить – в университете этому не учили. Я с козой легко нашёл общий язык – без верёвки мы ходили в поисках вкусной травы и на заготовку дубовых веников в качестве зимнего корма.

В то же лето обзавелись кроликами, для которых были сделаны по науке комфортные клетки.

Ещё одним пополнением рациона была рыба. Главным рыболовом был я. Я ловил ротанов в озере за огородами, а осенью, во время нереста, ездил на велосипеде к Бире, где рыбаки длинными саками выгребали на берег кету, вспарывали рыбам животы и выскребали икру. Набрать там сумку таких вспоротых рыбин было нетрудно.

Когда образовывалась пауза, мама просила меня насадить на крючок червяка и отправлялась на рассвете, когда я спал, к озеру, закидывала удочку и ждала 10 минут. Поплавка она не видела, поэтому просто вытаскивала леску, как правило, с рыбой и шла домой. Снимать рыбу с крючка была моя специализация.

Из радостей: километрах в полутора от нашего дома были водоёмы, куда в жаркие времена люди ходили купаться. Сначала я отправлялся в плавание на надутой автомобильной камере, потом попробовал передвигаться лицом вниз, не поднимая головы над водой (и не дыша), а потом, в то же лето, поплыл по-собачьи.

Всё время велась интенсивная переписка с тремя братьями и другими родственниками от Новосибирска до Риги и Вильнюса, которая нас морально очень поддерживала.

Вернёмся к 1947 году.

Осенью мы познакомили козу Катьку с ярким представителем другого пола, в результате чего зимой появилась двойня – мальчик Васька и девочка Машка. Поскольку стояли трескучие морозы, в нашей комнате население увеличилось вдвое. Машка оказалась ценительницей литературы – съела книгу «Хижина дяди Тома», которую мне на время дала Жозефина, дочь директора завода Кадинера, учившаяся в той же школе.

Другое врезавшееся в память событие – денежная реформа, при которой всё стало в 10 раз дешевле, сменились денежные купюры, но сохранились металлические монеты. Кажется, в течение 3 дней деньги обменивались 1:10, а позже – с потерями. Поэтому кое-кто панически тащил в обменные пункты мешки с деньгами, лихорадочно практиковались махинации по продаже и покупке денег и вещей. Нас это не волновало – накоплений не было. Но была и маленькая радость. Существовала копилка (жестяная банка из-под кофе с пришитой проволокой крышкой), в которую иногда бросали сдачу. Так вот: если раньше буханка хлеба стоила 18 руб., теперь она стала стоить 1,80 для всех на новые деньги, а для нас – на мелочь – 1,80 на старые.

Весной мне прибавилось работы – пасти приходилось целое стадо. И это помимо других забот – школы, скотного двора, огорода и рыбалки. Катькины детки развивались очень энергично: у Машки наметилось вымя, что обычно бывает после первого окота, а Васька рос очень крупным и любознательным, в результате – сбежал и потерялся.

У меня до сих пор воспоминания о дальневосточном периоде окрашены романтикой новизны, побед, красот природы.

Как это воспринимала и переносила мама? Моя мама жила с родителями как у Христа за пазухой. Потом университет, где она была в числе лучших. Потом Горький, Москва – не без ям, но всё же цивилизованно, в режиме интеллигентного человека умственного труда. И следующий этап – голод, лишения, нечеловеческие физические трудности в отрыве от всех и

всего привычного, с грузом в виде маленького ребёнка. И как выход на поверхность – Дальний Восток – район, выбранный верхами для уничтожения, вымирания. Обитавшие там считали «Запад» синонимом рая.

Правда, климат усугубил мои лёгочные проблемы, и мама изо всех сил пробивала перевод на Запад. Такое разрешение из министерства пришло в январе 1949 года. Нам предлагался Обоззавод № 16 в Кировской области.

Опять сборы, отправка багажа, решение судьбы живности, 9-суточный рейс до станции Сосновка, где поезд стоит 1 минуту, и где ради нас проводница держала аварийный сигнал, пока мы не оказались со своими вещами на снегу. Ночь, пурга, мороз, сугробы. Но... нас встречает человек с завода с двумя тулупами и директорскими санками (поклон директору – Ивану Ивановичу Целуйко!), в которые впряжен вороной красавец. Выяснилось, что надо ехать 7 км до Новой Сосновки (п/о Усть-Люга), а там, за рекой Люга – завод, но жить пока мы будем в частном доме в Новой Сосновке. Зимой единственное средство сообщения со станцией и рабочим посёлком Сосновка – лошадь с санями, люди же ходят по железнодорожной колее, идущей в 1 км от Вятки (реки) плюс 1,5 км в сторону. Вещи пока, до очередной оказии, остались у Смышляевых – эта семья жила рядом со станцией и отвечала за сохранность заводских грузов на станции. Итак, маме 2 км до завода, а мне 9 до школы в Сосновке. Начало февраля. Сосновка – большой рабочий посёлок на Вятке, промышленным ядром которого был судостроительный завод, делавший военные катера.

Примерно неделю мы осваивались. За это время вновь побывали в Сосновке, договорились со Смышляевыми, что я 6 дней в неделю буду жить и питаться у них, познакомился и записался в школу (5-ю в моей жизни) – примерно в 2–3 км от станции. Здесь нас ждал сюрприз: в школе изучают немецкий, и ведёт его огромный немец Виль. Итого, мне в субботу предстоит путь 2+7 км до деревни пешком. Примерно через 3 недели я получил первую «тройку» по немецкому, что очень высоко оценил Виль. Видимо, биробиджанская учёба была на хорошем уровне, потому что очень скоро я стал первым (лучшим) учеником школы. Может быть, только Симонов кое в чём был не хуже – сирота, вечно голодный и измазанный красками. Он прекрасно рисовал, преимущественно раствором марганцовки. Это был мой ближайший приятель. Другой приятель был из нормальной семьи – Эдик Целищев.

ШАГ В СТОРОНУ и вперёд. Немецкий язык был у меня потом и в двух последующих школах, и в институте в Горьком, я сдал его на «отлично» как экзамен в аспирантуру, а потом в Ленинке читал на немецком то, чего не было на русском. Но когда мне было 27 лет, в НИИ, где я работал, придумали подготовить группу экспертов-переводчиков с английского на базе местного института иностранных языков. Я попал в эту группу, которая занималась по вечерам четыре дня в неделю по 4 часа с очень опытной и строгой преподавательницей Галиной Семёновной Голубовской (1912–2014). И хотя я начинал практически с нуля, к концу я чувствовал себя в языке довольно свободно и выпускной экзамен сдал на «отлично». Присутствуя в 2018 г. на похоронах коллеги по Хэсэду И.В. Янкелевича на Федяковском кладбище, я обнаружил её могилу. А рядом – могила Александра Якуба (1948–2015). У Галины Семёновны был сын Марк Якуб. Кто такой Александр, не знаю. В 1998 г. (через 32 года) в командировке в Германии я собирался общаться на английском, но практически оказалось, что мне легче говорить по-немецки, так что в отсутствие переводчика я был посредником между принимающими и нашей группой.

Лето 1949 года было насыщено событиями. Начало его мы жили в деревне, но мама сумела уговорить коммерческого директора завода Мирона Осиповича Литовского дать нам комнату в общежитии при заводе. Кроме того, нам дали 2 койки, 2 наволочки в качестве матрасов (их надо было набить соломой), стол и табуретки. Мне до школы стало дальше, но зато – нет зависимости от хозяйки, есть сарай, маме близко на работу. Опять надо подчеркнуть её

щедрость в мою пользу – мы купили лодку, и я не только пополнял стол рыбой и ягодами, но и исследовал окрестности.

В начале лета, когда ещё не наступили каникулы, я вернулся домой под сильным впечатлением от услышанного в пути со стороны дремучего леса, через который пролегла дорога. Это был совершенно явственный плач маленького ребёнка, настолько однозначный, что я пытался в посёлке поднять тревогу, организовать спасательную экспедицию. У меня самого не хватило духу броситься на плач. Но и у взрослых мои призывы не вызвали энтузиазма – они истолковали звуки леса как обычные крики филина.

Надо сказать, что Новая Сосновка – самый глухой и дальний угол Кировской области, граничащий с Татарией и Удмуртией. Вот оттуда, из Татарии, мы привели новую Катюку, правда, безрогую, но тоже с хорошим удоем. Завели кур. Я совершил подвиг – нырнул с моста в Люгу (высота – метра четыре, местные мальчишки делали это по сто раз в день, а для меня это было как прыжок с парашютом). Эти два события, или поступка (прыжок с моста и много позже прыжок с парашютом), психологически очень сложны, ибо противоречат инстинкту самосохранения. Разум говорит, что они чреватые травмами и даже гибелью. А логика – что надо себя преодолеть, как делают многие другие – и для подтверждения самооценки, и для оценки в глазах других. Да и много других соображений пролетают, перевариваются в молниеносном темпе.

Я собирал и приносил землянику, до сих пор сняты тамошние розовые от ягод поляны в лесу. В Сосновке мы договорились о новом месте постоя для меня – у Бабушкиных, ближе к школе, но ещё дальше от дома.

Два самых памятных события следующей зимы.

Там, где дорога из Сосновки отворачивает от Вятки к Новой Сосновке, был перевоз на другой берег – лодкой. Дело было поздней осенью, при порядочном морозе, по реке плыли льдины. В конце дня группа людей возвращалась с базара в Сосновке, и хотя переправа явно была рискованной, люди вытащили лодочника из его избушки и поехали – другого пути не было. Довольно скоро лодка перевернулась, правда, на глазах нескольких оставшихся на берегу. Они и организовали «спасработы». Когда вытасненных привезли на подводе к нам в медпункт (это около 3 км от переправы), все усилия медсестры Шуры Вихоревой оказались тщетны. Ходили слухи, что она пыталась отогреть этих почти одеревеневших утопленников в постели теплом своего тела.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.